

Введение

7 июля 1937 г., правящие круги Японии развязали захватническую войну в Китае. Политика грабежа и насилия, проводимая японскими империалистами на оккупированной территории, наследовала цель обеспечить бесперебойное функционирование японской военной машины и подготовить базу для дальнейшей агрессии, однако вооруженное сопротивление китайского народа, существование в известных пределах единого национального антияпонского фронта КПК и гоминьдана, решительная поддержка Советским Союзом освободительной борьбы Китая опрокинули экспансионистские планы японских милитаристов. Вступление СССР в войну против Японии, разгром Квантунской армии явились решающим фактором поражения японского империализма во второй мировой войне.

Проблема колониальной политики Японии в Китае и формирования марионеточного правительства Ван Цзинвэя является малоисследована. В центре внимания современной историографии японо-китайской войны 1937–1945 гг. находились роль чунцинского правительства чанкайши, политика КПК, положение в освобожденных районах, ход военных действий. Изучение оккупированных районов, в частности их политической структуры, экономической ситуации, оставалось на втором плане. Вместе с тем, рассмотрение этих вопросов даст более полное представление о японо-китайской войне 1937–1945 гг., расширит знания о формах и методах утверждения господства империализма на захваченных территориях в различные периоды мировой истории, поможет раскрыть содержание кризиса в 1946–1949 гг. в гоминьдановских районах и понять причины победы китайской революции.

В монографии предпринимается попытка дать комплексный анализ политики японских оккупационных властей в Китае на базе исторических фактов.

Систематизированный материал дает возможность представить общую ситуацию, сложившуюся в оккупированных японцами районах Китая в XX веке.

Большой фактический материал о японо-китайской войне, и в частности, о положении в оккупированном Китае, содержится в разнообразной мемуарной литературе. Здесь прежде

всего надо упомянуть книгу П. П. Владимирова «Особый район Китая» [Владимиров, 1973]. В условиях концентрации миллионной Квантунской армии на границе с СССР и прямой угрозы вооруженного выступления Японии против Советского Союза, в трудных условиях начального периода великой отечественной войны в публикации П. П. Владимирова [Владимиров, 1973] было отмечено, что войска КПК продолжительное время не вели боевых действий против захватчиков.

Бесспорными являются замечания П. П. Владимирова о стремление яньаньского руководства к расколу единого антияпонского фронта и желании захватить политическую власть в стране в результате столкновения японских и гоминдановских войск. Об этом пишет в «Китайских записках» Отто Браун.

Опубликованные в журнале «Новый мир» (1979, № 11, 12) воспоминания Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова, бывшего в 1940–1942 гг. военным атташе СССР в Китае и главным военным советником содержат ценные данные о политике Японии, гоминьдана, КПК и западных держав в период японо-китайской войны. Интересные сведения относительно ванцинвэевского «движения за мир» имеются в мемуарах бывшего члена «центрального правительства» в Нанкине Цзин Сюнбая его воспоминания «начало и конец власти Вана» вышли под псевдонимом Чжу Цзыцзя. Он прослеживает все этапы подготовки и создания марионеточного режима Ван Цзинвэя. Однако к этому источнику приходится относиться очень осторожно, так как во многих случаях каин Цзин Сюнбай, стремясь обелить деятельность Ван Цзинвэя как предателя китайского народа, искажает факты, пытается переложить ответственность за трагическое положение в оккупированных районах целиком и полностью на «некомпетентных японских советников». В частности, переход Ван Цзинвэя на сторону японских агрессоров он объясняет убийством Цзэн Чунмина, личного секретаря Ван Цзинвэя, агентами Чан Кайши. Субъективизм Цзин Сюнбая перенесли в свои исследования западные историки Бойль, Бункер, Ли в др.

Были использованы мемуары Чэнь Гунбо, одного из видных членов «правительства» Ван Цзинвэя. В «Воспоминаниях о восьми годах» он воспроизводит становление марионеточного режима в Центральном Китае. Однако также как Цзин Сюнбай ставит своей целью оправдать действия Ван Цзинвэя и его «правительства».

Важным источником послужили выступления в печати членов марионеточного нанкинского правительства после бегства Ван Цзинвэя из Чунцина в декабре 1938 г, в них они формулировали цели развернутого «движения за мир», причины «необходимости сотрудничества Японии с Китаем именно в период боевых действий», задачи «центрального правительства» Ван Цзинвэя. На этих источниках можно с высокой степенью точности проследить формирование капитулянтской идеологии, определить характер «правительства» Ван Цзинвэя.

В работе были учтены материалы китайской прессы (КПК, гомиьндана и ванцзинвэевцев), а также буржуазных западных органов информации. Их использование ввиду несомненной тенденциозности в подборе материалов требует проверки другими данными.

В советской исторической науке в 70-е годы появился ряд обобщающих коллективных работ по истории Китая. Особо следует выделить «Новейшую историю Китая», «Историю Китая, с древнейших времен до наших дней», «Международные отношения на Дальнем Востоке». Эти работы синтезировали достижения исторической мысли в нашей стране и указали объекты будущих исследований. К ним можно отнести колониальную политику Японии в Китае и деятельность марионеточных правительств.

Одной из первых публикаций по вопросам японо-китайской войны 1937–1945 гг. является книга В. Н. Никифорова «Гоминдановские реакционеры — предатели Китая». В. Н. Никифоров рассматривает структуру руководимого Чан Кайши гомиьндана и дает характеристику основным группировкам, существовавшим в партии. Немалое внимание, в связи с этим, уделяется Ван Цзинвэю и группе его сторонников, включая Чэнь Гунбо, Гу Мэнюя, Тао Сишэна и др. В книге критически анализируются соглашения между Японией и ванцзинвэевцами, послужившие основой создания центрального марионеточного правительства в Нанкине, говорится об опоре ванцзинвэевского режима, затрагиваются внешнеполитические вопросы, касающиеся возвращения концессий и отмены прав экстерриториальности со стороны Японии, Англии и США, а также объявления западным державам войны «правительством» Ван Цзинвэя.

Однако работе присущи некоторые недостатки, характерные для всей советской историографии 50-х годов по проблемам

гоминьдана и антияпонской войны. Эти недостатки заключаются в упрощенных характеристиках политики гоминыдана и побудительных мотивов, которыми руководствовались и Чан Кайши с его окружением, и Ван Цзинвэй со своей прояпонской группировкой.

Из исследований советских историков, которые вышли в 70-е годы, большого внимания заслуживают книги Б. Г. Сапожникова «Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937–1941)», «Китайский фронт во второй мировой войне» и «Китай в огне войны (1931–1950)». Работы построены главным образом на японских источниках, широко использованы материалы архива МО СССР. Привлечены также документы на китайском и западноевропейских языках. Автор раскрывает содержание колониальной программы японских империалистов, разоблачает сущность пропагандистских лозунгов «Азия для азиатов», «Азиатская сфера взаимного процветания», показывает роль и значение партизанского фронта войны против японских захватчиков в Китае. Он также касается форм и методов политики японских монополий в Маньчжоу-го, Северном, Центральном и южном Китае. Позиция Японии в отношении правительства в Чан Кайши, армий КПК, марионеточных режимов Пуи, Ван Кэминя и Ван Цзинвэя рассматривается в связи с обострением межимпериалистических противоречий на Дальнем Востоке, с помощью Китая со стороны Советского Союза. При всем многообразии поставленных проблем основное внимание Б. Г. Сапожников уделяет вопросам ведения боевых действий.

Проблемы японо-китайской войны 1937–1945 гг. рассматриваются в монографии М. И. Сладковского «Китай и Япония». На основе китайских и японских источников автор показывает стремление японских оккупационных властей направить антиимпериалистическое движение китайского народа против «белого империализма». Формы и методы колониальной эксплуатации, использовавшиеся в Маньчжурии, нашли применение и в Китае после начала японо-китайской войны. В частности, это касается отказа от экстерриториальности и передачи китайцам некоторых административных прав. М. И. Сладковский справедливо заключает, что «отказ» от неравноправных договоров был провозглашен японскими правящими кругами, чтобы смягчить антияпонские настроения среди национальной китайской

буржуазии. В то же время показан неравноправный характер договоров, подписанных японским и в ванцинвэевским правительствами.

Некоторые аспекты японской колониальной политики в Китае затронуты в монографии А. С. Савина «Японские милитаризм» в период второй мировой войны (1939–1945 гг.). В ней также рассматривается роль марионеточной армии Ван Цзинвэя в системе подготовки японских империалистов к войне за господство в Восточной Азии.

Анализ развития японского государственно-монополистического капитала на оккупированной территории Китая дан в книге А. В. Меликсетова «Социально-экономическая политика гоминьдана 1927–1949 гг.», вышедшей в 1977 г. Развёрнутая высокая оценка этой монографии содержится в журнале «Народы Азии и Африки» (1979, № 5). А. В. Меликсетов показал, что японские правящие круги, рассматривая войну в Китае как первый шаг к созданию новой колониальной империи Японии, планировали эксплуатацию китайских территорий с расчётом на длительную перспективу. Данные о деятельности двух японских компаний «развития» северного и центрального Китая дают возможность выяснить вопрос о роли японского государственно-монополистического капитала в ограблении Китая. Говорится и о сотрудничестве частных японских предпринимателей с государственными компаниями. В целом соответствующий раздел монографии А. В. Меликсетова важен для понимания социально-экономических проблем оккупированных Японией территорий Китая.

Говоря о марксистской литературе по проблемам японо-китайской войны, надо упомянуть статью польского историка К. Гавликовского «К вопросу о проблеме “коллорабационизма” с японскими властями в Китае в годы второй мировой войны», опубликованную в 1976 г. Его позиция в вопросе о деятельности Ван Цзинвэя заключается в том, что последний, перейдя на сторону японцев, надеялся на то, что в отдалённом будущем экономическое развитие Китая поможет ему освободиться от влияния Японии и он сможет проводить свою собственную национальную политику; сотрудничество же с японскими оккупантами он рассматривал как тактическую уловку, которая давала Китаю необходимую передышку. Объяснение факта национального

предательства Ван Цзинвэя с точки зрения его субъективных мотивов представляется ошибочным, т. к. Ван Цзинвэй осознавал, что «сотрудничество с Китаем» рассматривалось японцами как условие беспощадной эксплуатации этой страны, которая экономически обескровила бы ее. Не приходится подробно говорить и о том, что поддержка японского агрессора наносила большой ущерб борьбе китайского народа за независимость. Критика идеологических концепций японских колонизаторов дана в докладе Е. М. Жукова «Паназиатизм как идейное оружие японской экспансии» на XXVI Международном конгрессе востоковедов в 1964 г.

Вопросы политики Японии и марионеточных режимов в Китае отражены также в книгах В. Аварина «Борьба за Тихий океан», Г. Н. Севостьянова «Подготовка войны на Тихом океане», М. И. Лукьяновой «Японские монополии во время мировой войны», в статьях В. Н. Никифорова, Р. А. Мировицкой, А. С. Титова «Образование единого национального фронта в Китае» (сентябрь 1937 г.), А. С. Титова «К оценке “движения 9 декабря” 1935 г.», «движение 9 декабря 1935–1937 гг. — начало нового этапа национальной борьбы китайского народа», Г. Михайлова «Китайский народ в борьбе за национальную независимость» и других работах.

Проблемы японо-китайской войны 1937–1945 гг. всегда привлекали внимание китайских историков — членов КПК. Относительно много работ вышло в период ожесточенной борьбы между КПК и гоминьданом в 1946–1949 гг. Им присущ пропагандистский характер, например, «Истинное лицо коалиции Чан Кайши и Ван Цзинвэя», «материалы по истории поражений гоминьдана в период антияпонской войны». Эти работы главным образом ставили цель дискредитировать политику верхушки гоминьдана, оставляя в стороне исследование социально-экономических и политических процессов в оккупированных районах Китая.

В конце 50-х — начале 60-х годов в КНР появился ряд обобщающих книг по истории Китая в новейшее время. Среди них следует выделить «Общую историю периода новодемократической революции в Китае», третий том которой посвящен антияпонской войне. Касаясь создания марионеточного центрального правительства в Нанкине, авторы книги анализируют прояпонскую

группировку в правительстве Чак Кайши, пишут о причинах ее ориентации на Японию и подготовке капитуляции. В книге подробно описывается переход Ван Цзинвэя на сторону японцев, начиная с его капитулянтской деятельности в Чунцине и кончая VI съездом «истинного гоминьдана» в августе 1939 г. Однако авторы не объясняют, почему Ван Цзинвэю и его сторонникам понадобилось много времени для заключения союза с оккупантами; почему в одни периоды у японских властей и группы Ван Цзинвэя появлялись точки соприкосновения, а в другие — они исчезали. Очевидно, китайские исследователи не приняли во внимание наличие различных течений в японской армии и в политических кругах, одни из которых одобряли идею использования Ван Цзинвэя в политической игре, другие составляли им серьезную оппозицию. Исследование противоборства в этих кругах могло бы ответить на многие вопросы.

В «Общей истории» подчеркивается полная зависимость «центрального правительства», созданного в Нанкине, от японских оккупантов. На большом фактическом материале показаны методы управления японских захватчиков на местах. Карательные кампании японцев авторы делят на три категории: кампании на контролируемых врагом территориях, на «ничейной земле» и в освобожденных районах. В первых двух случаях в их основе лежали «организация населения и контроль за ним», а в последнем — истребление, террор.

Говоря об экономических методах эксплуатации, применявшихся японскими властями в оккупированных районах и рассматривая их мероприятия в самых различных отраслях промышленности и сельского хозяйства Китая, авторы подчеркивают жестокость, насилие, обман, применявшиеся захватчиками, при этом делают вывод о том, что цели своей они не достигли. Нам представляется подобная формулировка неточной, т. к. в плане стратегическом японцы действительно не добились реализации своих планов, однако в деле экономического ограбления и особенно использования промышленного потенциала захваченных и контролируемых областей они достигли определенных результатов.

После развертывания «культурной революции», по рассматриваемой проблеме появились небольшие сообщения и статьи. Характерна в этом отношении статья Дин Сяньцзюня и Вэнь

Шаохуа «Пример капитулянства — Ван Цзинвэй», опубликованная в «Лиши яньцзю» (1976, № 3). В ней говорится, что политику капитуляции перед японским империализмом Ван Цзинвэй начал приводить после «инцидента» 18 сентября 1931 г, а с началом японо-китайской войны он стал тайно строить соглашательские планы, считая, что лишь капитуляция обеспечит порядок в Китае. Такая характеристика представляется слишком прямолинейной. Процесс, который привел Ван Цзинвэя в японский лагерь, был, видимо, более сложным.

Исследования японо-китайской войны 1937–1945 гг. проводятся также тайваньскими историками — в их коллективных трудах «История войны сопротивления», «Краткая история японо-китайской войны», в работах У Сянсяна «История второй японо-китайской войны», Гун Дэбая «Тайная история предательства Ван Цзинвэя» и других. Эти публикации характеризуются крайней тенденциозностью в подборе документов и материалов, в освещении событий и оценках вклада той или иной страны в победу над мировым фашизмом. В работах искажается позиция Советского Союза в отношении японо-китайской войны. Главным фактором, вызвавшим крах японского милитаризма, называется военная мощь Соединенных Штатов, в частности, монопольное обладание ядерным оружием, и наступление гоминдановских войск на японо-китайском фронте. Тайваньские историки преувеличивают вклад Чан Кайши в создание антияпонского фронта в Китае, а всю вину за попытки расколоть этот фронт возлагают на коммунистов. В указанных исследованиях практически не рассматриваются действия Японии по созданию марионеточных правительств в оккупированных районах Китая. Констатируя предательство Ван Цзинвэя, гоминдановские авторы предпочитают не распространяться о его деятельности на службе японского империализма, а следовательно, не касаются особенностей японской колониальной политики.

Вопросы японской оккупации освещены в ряде работ западных историков. Одна из первых монографий появилась в 1940 г. Она была подготовлена американским специалистом по Китаю Д. Ж. Тейлором и называлась «Борьба за Северный Китай». Книга основана на личных наблюдениях автора, побывавшего в оккупированных районах Китая в 1939–1940 гг. В работе представлен большой фактический материал, касающийся японской

оккупации и создания «временного правительства Китайской республики». В книге сравнительно детально дана характеристика различных методов оккупации и форм марионеточных режимов, созданных к этому времени. Положительной оценки заслуживает и то, что автор рассматривает социально-экономические и социально-политические проблемы в комплексе, не отрывая их друг от друга. Вместе с тем ряд выводов и предположений автора не может быть принят. Так, характеризуя наиболее видных членов «временного правительства» — Ван Кэминя, Тан Эрхо, Чжу Мэна и др., Д. Ж. Тейлор считает, что они — не предатели, или люди, настроенные прояпонски, а лица, принадлежавшие к порядку, который исчез. Подобный вывод не соответствует действительности. В самом деле, средний возраст членов «правительства» составлял около 60 лет, они принадлежали к старшему поколению политических деятелей, находившихся на службе в пекинском правительстве до его падения в 1928 г. Они действительно были представителями старого отжившего Китая, однако их прояпонская ориентация несомненна. Многие из них выезжали в Японию для изучения политических наук и права и установили там связи с японскими политиками. В середине 30-х годов, когда японские империалисты начали оккупацию Северного Китая, они использовались правительством Чан Кайши в качестве посредников в переговорах с Японией, а сами японцы настаивали на их назначении на высокие посты как в провинциальных органах управления, так и в центральной администрации. Следовательно, неверно утверждение, что они не были проводниками прояпонского курса.

Невозможно согласиться с выводом автора этой работы относительно того, почему «временное правительство» не стало общеитайским. Д. Ж. Тэйлор приводит две причины: оно не отвечало «современным стандартам», а члены «правительства» не пользовались поддержкой народа. Однако эти «недостатки» могут быть отнесены и к «центральному правительству» Ван Цзинвэя в Нанкине. Здесь правомерен, на наш взгляд, подход Дж. Бункера в его книге о Ван Цзинвэя: следует учитывать тот факт, что в высших армейских и политических кругах Японии происходила борьба между различными группировками. Причем главную роль играло не центральное правительство, а японские экспедиционные армии в Китае, оказывавшие всемерную поддержку своим ставленникам.

Интересны разделы книги Дж. Тэйлора, касающиеся японской пропаганды, деятельности единственной «политической партии» «Синьминьхуэй», социальной политики Ван Цзинвэя, вопросов образования на оккупированных территориях Северного Китая и др.

Характеристике марионеточных правительств в оккупированных районах Китая посвятил большой раздел американский синолог Ч. Джонсон в книге «Крестьянский национализм и коммунистическая власть». Автор преимущественно основывается на американских архивных материалах, китайской и западной прессе. Он пишет о предшественниках двух основных марионеточных режимов, характеризует различия между ними и обоснованно отмечает, что создание марионеточных правительств было одним из главных мероприятий японских оккупационных властей в Китае. Неудачу в этом деле он объясняет неспособностью продемонстрировать законность этих «правительств», их независимость от японских армий; нежелание японского командования в Северном Китае и Внутренней Монголии передать прерогативы власти «правительству» Ван Цзинвэя; безжалостной экономической эксплуатацией, продолжавшейся и после создания «центрального правительства» в Нанкине; значительной иммиграцией в Китай японцев, деятельность которых не ограничивалась ни японской армией, ни марионеточным правительством, вследствие чего китайцы убеждались в том, что они — завоеванная нация; наконец, введением трудовой повинности, в результате которой все мужчины в возрасте от 17 до 40 лет организовывались в отряды сроком на три-пять лет и могли быть использованы как в своей провинции, так и за ее пределами. Второй по значению мерой, считает Ч. Джонсон, были кампании «по успокоению деревни».

Провал этих двух мероприятий и послужил, по мнению автора, причиной неудач Японии в колониальной войне с Китаем. На наш взгляд, невозможно согласиться с таким крайне субъективным и упрощенным подходом к оценке причин поражения Японии. Автор совершенно игнорирует факт сопротивления китайского народа японским захватчикам, наличие двух политических сил — КПК и гоминьдана, организовавших это сопротивление, а также помощь, оказанную СССР единому национальному антияпонскому фронту в Китае. Без учета этих

моментов невозможно дать правильное освещение проблемы японской оккупации и ее последующего фиаско.

В начале 70-х годов на западе одновременно вышли в свет книги Дж. Бункера в Дж. Бойля целиком посвященные вопросам колониальной политики Японии в Китае и созданию марионеточных правительств. Обе работы содержат новые сведения о слабо изученных ранее оккупированных районах Китая. Источниковедческой базой этих книг стали официальные японские документы, воспоминания лиц, непосредственно участвовавших в осуществлении планов использования Ван Цзинвэя, дипломатические архивы. Обе работы, однако, рассматривают исключительно политическую подоплеку событий и уделяют мероприятиям Японии в экономической, социальной, культурной областях очень немного места.

По мнению обоих исследователей, марионеточная система в основном была готова к середине 1938 г, но Япония не была довольна людьми, привлеченными на ее сторону. Авторы ставят вопрос о том, как японцы пытались управлять Китаем через китайских марионеток. Дж. Бойль показывает, насколько различным может быть поведение местных деятелей, на которых стремилась опереться Япония — от Сукарно в Индонезии до Пу И в Маньчжурии. Он считает, что точное положение китайских марионеток между двумя этими крайностями трудно определить. Относительно Ван Кэминя и Лян Хунчжи Дж. Бойль и Дж. Бункер делают вывод, что эти марионетки были весьма ненадежным инструментом в руках японских хозяев.

После заявления Коноэ (декабрь 1938 г.) Япония отказалась иметь дело с Чан Кайши, но в то же время она понимала, что «надежда на мир», т. е. фактическую капитуляцию Китая, связана с Гоминьданом. Конкретных обязательств перед Ван Цзинвэем, выразившим согласие с принципами Коноэ, Япония на себя пока не брала. И лишь в конце 1939 г. она представила свои условия по созданию нового «правительства», которые ни в коем случае не могли привести к установлению независимого режима. Авторы пытаются изобразить Ван Цзинвэя невинной жертвой обстоятельств. Они говорят о «сложных мотивах», лежавших в основе его бегства из Чунцина, и, следуя за Цзин Сюнбаем, подчеркивают, что у Ван Цзинвэя не было намерения формировать марионеточный режим в оккупированных

районах Китая до тех пор, пока он не отправился из Ханоя в Шанхай после убийства Цзэн Чунмина.

На наш взгляд, конец политической карьеры Ван Цзинвэя вполне закономерен, еще Сунь Ятсен в 1924 г. в письмах к Чан Кайши отмечал ярко выраженную склонность Ван Цзинвэя к компромиссам. Дальнейшее политическое развитие Китая (революция 1925–1927 гг., гоминдановское правление в 1927–1937 гг.) подтвердило опасения Сунь Ятсена. Рост в 30-е годы в стране коммунистического движения и наступление японских армий, за короткий срок оккупировавших многие промышленные центры Китая, вызвали у Ван Цзинвэя панические настроения. Непримируемая борьба за лидерство в гоминьдане с Чан Кайши и поражение в ней Ван Цзинвэя также повлияли на его позицию.

В целом, несмотря на определенные недостатки в анализе исторических событий и лиц, тенденциозность в подборе фактического материала, перечисленные работы западных историков представляют известный интерес для изучения проблем японской оккупационной политики в Китае и роли в ней марионеточных властей, которые будут систематизированы в главах книги.

Глава I. Политическая структура оккупированных японскими империалистами районов Китая

1.1. Японские планы управления Китаем

Начиная войну за превращение сначала Маньчжурии (1931 г.), а затем всего Китая (1937 г) в свою колонию, Япония уже имела опыт прямого колониального управления захваченными территориями (Корея, Тайвань). Однако в Китае в 30-е годы сложилась иная ситуация. Япония не располагала подавляющим перевесом сил над китайским народом, особенно во второй половине 30-х годов, когда был создан единый национальный антияпонский фронт, и Китай поручал огромную морально-политическую и материальную поддержку Советского Союза. Имели значение и межимпериалистические противоречия: монополии Англии, Франции и США не желали расставаться со своими выгодами и привилегиями на китайском рынке. Перед японскими захватчиками открывался иной путь — «объединить побежденных в т. н. “независимые нации” и покровительствовать им»¹. Поэтому, начиная с «маньчжурского инцидента», Япония старалась придать видимость «законности» своей захватнической политике, создавая на оккупированной территории различные по форме марионеточные правительства.

Степень зависимости марионеточных режимов, насаждавшихся японцами в Китае, в первую очередь определялась интересами японских монополий — основных виновников войны на Дальнем Востоке. Приложение японского капитала в различных частях Китая было неодинаковым. В силу исторических причин, географического положения японский империализм не имел прочной базы в Центральном и Южном Китае, где господствовали более сильные в экономическом плане западные конкуренты; основная сфера его деятельности находилась на северо-востоке и севере Китая. Поэтому японские концерны предъявляли равные требования к своему правительству относительно

---

¹ Центральный государственный архив Октябрьской революции. Международный военный трибунал для Дальнего Востока. Токийский процесс. Фонд 7867, опись I, д. 190, л. 3885.

направления агрессии и содержания социально-экономических и политических мероприятий, проводимых в тех или иных оккупированных районах Китая.

Японские агрессоры, отторгнув от Китая Маньчжурию, провозгласили 1 марта 1932 г. создание марионеточного государства «Маньчжоу-го». Во главе его был поставлен последний отпрыск цинской династии Пу И. Наряду с Маньчжурией «жизненно важным» для Японии районом считалась Внутренняя Монголия, учитывая ее близость к границам Советского Союза.

В этих районах японские захватчики планировали установить систему «жесткого» управления. В документах японского министерства иностранных дел основные принципы политики в Маньчжурии были определены следующим образом:

- быстрое экономическое развитие Маньчжурии;
- усиление национальной обороны Японии и Маньчжурии;
- устранение Великобритании и США;
- реализация тесного сотрудничества между Японией и Маньчжурией;
- создание надежной колониальной администрации².

Во Внутренней Монголии предполагалось создать «особую военно-политическую зону для антикоммунистических целей и установить сотрудничество в вопросах обороны и экономики»³. Размещение японских войск на всей территории Маньчжурии и Внутренней Монголии было неизменным требованием Японии в многочисленных переговорах о мире с Китаем, следовавших после начала японо-китайской войны.

Значительные интересы японских монополий были представлены в Северном Китае. Вскоре после его военной оккупации японское правительство создало «Компанию по развитию Северного Китая» в целях монопольного господства в этой части страны. Здесь так же, как в Маньчжурии и Внутренней Монголии планировался «жесткий» колониальный контроль, и марионеточный режим должен был копировать бесправное «правительство» Маньчжоу-го.

---

² Центральный государственный архив Октябрьской революции. Международный военный трибунал для Дальнего Востока. Токийский процесс. Фонд 7867, опись I, д. 185, л. 2066.

³ Там же, д. 187, л. 2737.

В Северном Китае допускалось участие в промышленном развитии китайского капитала, однако его доля не должна была превышать 49 %. Этим шагом японские политики намеревались создать себе социальную опору среди китайской буржуазии, продемонстрировать японо-китайское «сотрудничество», ограничить сопротивление китайского населения. Подобная мера была вынужденной, т. к. в Северном Китае у японцев не было столь явного военного превосходства как в Маньчжурии.

Следует особо отметить, что Северный Китай наряду с Маньчжурией и Внутренней Монголией на протяжении всей японо-китайской войны рассматривался японскими империалистами в качестве главного плацдарма для нападения на Советский Союз. В «Плане управления Северным Китаем», принятом 6 апреля 1937 г. министерством финансов, военным, военно-морским министерствами, было сказано, что «основная задача управления Северным Китаем — превратить его в действительно крепкий антикоммунистический прояпоно-маньчжурский район»⁴. После решения «китайского инцидента» (так японцы называли войну с Китаем, начавшуюся после «инцидента» у моста Лугоуцяо 7 июля 1937 г.) японское правительство предполагало сохранить свои войска в северных провинциях.

Иная политика была разработана в отношении Центрального и Южного Китая. В этой части страны, за исключением Шанхая, японские «интересы» были представлены слабо. Боевые действия велись здесь вплоть до капитуляции Японии, которая так и не смогла полностью подчинить Центральный и Южный Китай. На совещании японского правительственного кабинета осенью 1937 г. было сказано, что Центральный Китай будет менее важен для интересов Японии, нежели Маньчжурия, Внутренняя Монголия и Северный Китай, но он явится важной базой для развития экономики Японии⁵. В докладе министра иностранных дел Арита Тайному совету от 29 ноября 1938 г. были отмечены основные направления политики в Центральном и Южном Китае:

- обеспечить сотрудничество между Японией, Маньчжоуго и Китаем в области «обороны против Коминтерна»;

---

⁴ Центральный государственный архив Октябрьской революции. Международный военный трибунал для Дальнего Востока. Токийский процесс. Фонд 7867, опись I, д. 185, л. 2084.

⁵ Там же, д. 187, л. 2768.

- создать в бассейне нижнего течения реки Янцзы зону японо-китайского экономического сотрудничества;
- побудить национальное правительство Китая признать Маньчжоу-го и добиться установления между ними дипломатических отношений⁶.

В Центральном Китае, так же как в Северном была учреждена «Компанию по развитию Центрального Китая». Однако ввиду нестабильного положения на фронте японские частные фирмы не спешили вкладывать в нее свои капиталы. Японское правительство было вынуждено привлечь к участию в экономическом строительстве китайскую буржуазию. Причем доля китайского капитала в смешанных японо-китайских предприятиях могла составлять 51 %.

Таким образом, японцы пытались завуалировать свое колониальное господство в Центральном Китае. Они выступали как «друзья китайской нации», призванные наладить равноправное японо-китайское экономическое и культурное сотрудничество.

1.2. Первый этап создания марионеточных режимов в Северном и Центральном Китае

В ходе войны против Китая японские правящие круги придерживались метода захвата страны по частям. Они считали, что расчленение Китая на «автономные», независимые от центрального правительства районы предотвратит объединение китайского народа для организации сопротивления. Другим фактором, определившим подобную тактику, явилось существование японских экспедиционных армий в Китае, которые были независимы от генштаба и друг от друга в решении оперативно-тактических задач. Это — Квантунская армия, экспедиционная армия Северного Китая, сформированная в августе 1937 г. на основе Тяньцзиньского гарнизона, размещавшегося в Китае по условиям «боксерского» протокола 1901 г. В конце февраля 1938 г. под командование этой армии перешел также армейский корпус, располагавшийся во Внутренней Монголии [Li, 1975; p. 16].

---

⁶ Центральный государственный архив Октябрьской революции. Международный военный трибунал для Дальнего Востока. Токийский процесс. Фонд 7867, опись I, д. 187, л. 2738–2739.

И экспедиционная армия Центрального Китая, которая до ноября 1937 г. была известна как «Шанхайская экспедиционная армия». Когда боевые действия из Северного Китая распространились на центральные провинции, шанхайский гарнизон был резко увеличен и получил новое название [Johnson, 1962; p. 40]. Между командованием указанных армий существовало ожесточенное противоборство за господство в оккупированных районах Китая. Внешне оно выразилось в формировании марионеточных режимов, которые не поддерживали между собой никаких связей и, по существу, противостояли друг другу. Каждая из армейских группировок через подчиненную креатуру стремилась распространить свое влияние на весь Китай.

Усилия японского правительства и генерального штаба, направленные на то, чтобы положить конец этому соперничеству, не дали ожидаемых результатов. 1 октября 1939 г. было создано формальное объединенное командование всех японских войск в Китае [История... 1957, т. 2, с. 313]. Однако реальной властью оно не обладало.

Вопросы колониального господства Японии в Китае явились предметом ожесточенной борьбы между японскими военными и гражданскими властями.

До начала агрессии в Китае (7 июля 1937 г.) вопросами, связанными с этой страной, занимались два бюро: Бюро китайских дел при японском МИД и Бюро китайских дел при министерстве по делам колоний. Ведущую роль в выработке политики в отношении Китая играли гражданские лица.

Однако военное командование на местах стремилось постепенно прибрать к рукам всю полноту власти в оккупированных районах. С этой целью штабы экспедиционных армий в Северное и Центральном Китае начали вести переговоры с высшими военными чинами в Токио по вопросу о создании центрального органа, определяющего политику в Китае [История... 1957; т. 2, с. 182–183]. Фактически речь шла о передаче прерогатив решения экономических, политических и культурных вопросов в оккупированном Китае из ведения министерства иностранных дел и министерства по делам колоний командованию экспедиционных армий. Верх одержали военные; 16 декабря 1938 г. был издан императорский указ об организации Бюро китайских дел при

правительственном кабинете⁷. Функции Бюро при МИД и министерстве по делам колоний были переданы новому органу. Председателем нового бюро был назначен генерал-лейтенант Янагава. Министр иностранных дел, министр финансов, военный министр и военно-морской министр должны были руководить работой вице-председателя бюро и помогать председателю⁸.

Новый орган согласно «Положению об организации» занимался политическими, экономическими и культурными проблемами (дипломатические вопросы не входили в его компетенцию — они были предоставлены для решения представителями МИД, однако дело сводилось к простому оформлению протоколов. В знак протеста против отстранения МИД от разрешения китайского вопроса министр иностранных дел Угаки подал в отставку). Соответственно было создано три отдела — политических, экономических и культурных дел. Отдел политических дел, который возглавлял генерал Судзуки, должен был заниматься административными вопросами в Китае, осуществлять контакты с марионеточными режимами и командованием японских экспедиционных армий на континенте. Главной функцией экономического отдела, руководимого Хидака, являлось осуществление контроля над деятельностью созданных в апреле 1938 г. компаний по развитию Северного и Центрального Китая и над лицами, которые собирались открыть частные предприятия в Китае. Кроме того, этот отдел должен был разрабатывать вопросы, касавшиеся финансовой политики в Китае, торговли, земледелия, лесонасаждения, рыбной ловли и пр. Отдел культурных дел во главе с Янагава был призван поощрять деятельность японских и марионеточных учреждений «культуры» в оккупированных районах, содействовать идеологической пропаганде среди китайского населения.

Однако по справедливому выражению Л. Ли, «в новом Бюро китайских дел действительно новым было лишь здание этого бюро в Токио» [Li, 1975, p. 71]. Его филиалы «бюро связи» во Внутренней Монголии, Северном, Центральном и Южном Китае не являлись новыми учреждениями; это были переименованные органы

---

⁷ Центральный государственный архив Октябрьской революции. Международный военный трибунал для Дальнего Востока. Токийский процесс. Фонд 7867, опись I, д. 190, л. 4031.

⁸ Там же.

«специальных служб» экспедиционных армий, занимавшиеся ранее проблемами Китая на местах. Тот факт, что «бюро связи» лишь номинально подчинялись Бюро китайских дел в Токио, признавали сами работники этого бюро [Li, 1975; p. 72].

«Бюро связи» были координационными комитетами, направлявших деятельность различных японских организации в Китае. Они располагались в Пекине, Циндао, Шанхае, Ханчжоу, Сямыне и Гуанчжоу⁹. «Бюро связи» проводили периодические конференции в своих районах, на которых принимались соответствующие решения для обеспечения японских интересов в Китае. Определяемая конференцией политика была фактически продиктована командованием экспедиционной армией данного региона¹⁰.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что не Бюро китайских дел через «бюро связи» руководило колониальной политикой в Китае, а японские армии через «бюро связи» реализовали свои захватнические планы в оккупированных районах Китая.

С началом войны на Тихом океане и расширением японской агрессии в Юго-Восточной Азии в целях приведения более эффективной колониальной политики предполагалось все японские органы, функционировавшие на территории «великой Восточной Азии», поставить под единый контроль. Это должно было осуществить новое «министерство по делам Великой Восточной Азии», учрежденное 1 ноября 1942 г. Создание министерства сопровождалось демагогическими заявлениями его главы Аоки об «обеспечении еще более близкого и тесного сотрудничества японской нации с народами сферы взаимного процветания»¹¹. Министерство по делам Великой Восточной Азии «было призвано решать политические проблемы, вопросы, касающиеся защиты торговых интересов Японии в странах “сферы взаимного процветания”, вопросы эмиграции, колонизации и культурной работы».

В состав министерства на правах отдела вошло Бюро китайских дел, однако функции его не изменились. Не изменилась

---

⁹ Чжу Цзыцзя. Ван чжэнцюань ды кайчан юй шоучан. — Сянган (Начало и конец власти Ван Цзинвэя). 1965. Т. 1–5. Воспоминания. Т. I, с. 120.

¹⁰ Мировое хозяйство. 1938, № 5, с. 81.

¹¹ Центральный государственный архив Октябрьской революции. Международный военный трибунал для Дальнего Востока. Токийский процесс. Фонд 7867, опись I, д. 190, л. 4033.

и роль армии на местах, подтверждением чему служит заявление Тодзио, сделанное в разгар войны на Тихом океане: «Административное управление оккупированными территориями на юге в настоящее время осуществляется в соответствии с указаниями военного командования поэтому находится вне ведения Министерства по делам Великой Восточной Азии»¹².

Большое влияние на процесс создания и дальнейшую судьбу марионеточных режимов в Китае оказывала также позиция японского кабинета, складывавшаяся в результате борьбы различных группировок в правящих кругах.

В конце 1937 — начале 1938 гг. стал очевиден провал японских планов молниеносного покорения Китая. Часть японского правительства и высшего военного командования начала испытывать беспокойство относительно того, что война в Китае могла сорвать главную стратегическую цель — нападение на СССР¹³.

В японском военном руководстве постепенно оформилась т. н. «мирная клика», сторонники которой выступали за скорейшее прекращение боевых действий в Китае. Клика считала весьма опасным наносить удар по Советскому Союзу, имея в тылу непокоренный Китай. Члены «мирной клики» понимали, что, хотя на фронтах японские армии имели определенные успехи, в то же время становилось все труднее контролировать захваченные территории, они стремились сыграть на националистических чувствах, «заявляя о существовании культурного и расового сходства между двумя великими нациями Восточной Азии и объявляя войну между ними результатом трагического непонимания» [Ефимов, 1974, р. 51].

Основу «мирной клики» составляли офицеры генерального штаба: Тада (заместитель начальника генштаба), Хориба (начальник отдела военных экспедиций генштаба), Имаи (сотрудник генштаба), Кагеса (непосредственный организатор «правительства») Ван Цзинвэя и его военный советник и др. В нее входил также министр иностранных дел генерал Утаки, назначенный на этот пост в мае 1938 г. Большинство членов клики делало ставку

---

¹² Центральный государственный архив Октябрьской революции. Международная военная трибунал для Дальнего Востока. Токийский процесс. Фонд 7867, опись I, д. 219, л. 65.

¹³ Там же, д. 482, л. 309.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru